

Н. Е. НОСОВ

БОЯРСКАЯ КНИГА 1556 г.

(Из истории происхождения четвертчиков)

Реформы управления 50-х годов XVI в., проведенные правительством Ивана IV, имели важное значение для судеб Русского государства XVI—XVII вв. Они как бы открывают новый период в истории феодальной Руси, период, который может быть охарактеризован как время широкого развития сословно-представительных институтов в жизни страны. Видное место в реформах Ивана IV 50-х годов занимают реформы местного управления, а именно: ликвидация системы кормлений и замена наместников и волостей как основных органов местного управления предшествующего периода выборными местными органами в лице губных и земских старост. Отмена системы кормлений, являвшейся до середины 50-х годов одной из основных форм (наряду с поместной системой) материального обеспечения господствующего класса, стоит в органической связи с земельными и военными реформами 50-х годов, направленными в конечном счете на укрепление экономических и политических основ Русского централизованного государства. Одним из важных источников, дающих представление о классовой природе реформ местного управления 50-х годов, является Боярская книга 1556 г.

Боярская книга 1556 г. — источник, достаточно хорошо известный и уже давно вошедший в научный оборот, но, как справедливо отмечал еще А. И. Яковлев, до сего времени никогда не подвергавшийся специальному источниковедческому анализу.¹ В настоящем небольшом очерке мы не ставим себе целью, да и не имеем возможности (это бы увело нас далеко в сторону) поднять все вопросы, связанные с изучением Боярской книги 1556 г. как исторического источника. Наша цель —

¹ А. И. Яковлев, *Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.* М., 1943, стр. 312.

попытаться разобраться в вопросе, что представляет собой Боярская книга 1556 г. и что за лица были в нее включены, и, наконец, выяснить, в каком отношении находится Боярская книга 1556 г. к уложению о кормлениях и службе 1555/56 г. Задачи сами по себе довольно скромные, но они, как мы увидим ниже, дают возможность подойти к изучению классовой природы реформ Ивана IV 50-х годов, и в том числе вопроса об отмене кормлений и возникновении Четей, с несколько иных позиций и на ином материале, чем это обычно имеет место в историографии.

Что представляет собой Боярская книга 1556 г., и в частности та ее часть, которая была найдена и опубликована еще в 1861 г. М. А. Оболенским,² — вопрос до сего времени не вполне ясный.

Впервые общую оценку Боярской книги 1556 г. как источника дал А. Х. Востоков. По его мнению, Боярская книга 1556 г. является первой из дошедших до нас «боярских книг», т. е. «списков» «лиц высшего служилого сословия: бояр, окольничьих, думных дворян, стольников, стряпчих, московских дворян и дьяков, в коих указаны их поместные и денежные оклады». Боярская книга 1556 г. — единственная подобного рода книга, сохранившаяся от XVI в.; все остальные пока известные «боярские книги» относятся к XVII в. А. Х. Востоков считает, что Боярская книга 1556 г., как и вообще сама практика составления подобных книг, явилась результатом уложения 1555/56 г. о кормлениях и службе и была составлена правительством Ивана IV в целях «иметь постоянные точные сведения о поместных и денежных окладах лиц высшего служилого сословия». В то же время А. Х. Востоков отличает «боярские книги» (включая и Боярскую книгу 1556 г.), как определенный тип источника, от четвертных «окладных книг» XVII в. (в приказной документации обычно именуемых «кормленными книгами»), которые, как указывает А. Х. Востоков, «по содержанию весьма отличны от боярских книг» и употреблялись в качестве «расходных книг» для записи выдаваемого служилым людям из Четей, по назначению Разряда, денежного жалованья.³

² Боярская книга 1556 г. (сообщена кн. М. А. Оболенским). Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым, кн. III, СПб.—М., 1861, отд. II (далее: Бояр. кн.), стр. 25—88.

³ А. Х. Востоков. Боярские книги как материал для истории высшего русского служилого сословия. Материалы для истории русского дворянства. Издание Н. Калачова. Вып. III. СПб., 1885, стр. 26—29 и сл., подробное описание Боярской книги 1556 г. см. на стр. 30—34.

Иной точки зрения на Боярскую книгу 1556 г. придерживался В. О. Ключевский. Так, характеризуя уложение о кормлениях и службе 1555/56 г., В. О. Ключевский указывает, что по уложению служилые люди («по всей совокупности условий, которыми тогда определялась военно-служебная годность») «были распределены на разряды, статьи, с особым окладом денежного жалования, положенным на каждую статью, и занесены по статьям в служебные книги и списки, или „в подлинные разряды“, как еще называет их летописец в изложении указа 20 сентября 1555 г. о кормлениях и о службе». Поскольку же, отмечает далее В. О. Ключевский, «кормления считались жалованием за службу, а денежное жалование заменяло доходы от кормлений, то эти росписи служилых людей стали называться кормлеными книгами и сами оклады денежного жалования, положенные взамен кормлений, — кормлеными окладами. Сохранился отрывок одной из таких книг (В. О. Ключевский имеет в виду Боярскую книгу 1556 г., — *Н. Н.*), составленной после издания упомянутого закона 20 сентября и едва ли не бывшей прототипом тех кормленых книг, по которым впоследствии выдавали служилым людям денежное жалование в приказах, ведавших это дело в четьях Костромской, Устюжской и других. Сколько можно судить по отрывку ... это кормленая книга высшего столичного дворянства, служилых людей, служивших „по московскому списку“».⁴

К указанной точке зрения В. О. Ключевского на Боярскую книгу 1556 г. полностью присоединяется и А. С. Лаппо-Данилевский в своем предисловии к изданию «кормленой книги» Костромской чети 1613—1627 гг., в котором он, опираясь на вышеприведенные соображения последнего, уже без всяких оговорок, прямо называет Боярскую книгу 1556 г. «кормленой книгой» «лиц, числившихся по московскому списку 1555—56 годов».

«Приказные люди, — пишет А. С. Лаппо-Данилевский, — давно уже вели книги, содержащие сведения о том, кому и как („почему“) „кормы и всякие пошлыны сбирати“», и поэтому «когда кормления стали подвергаться денежной оценке (А. С. Лаппо-Данилевский имеет в виду период, наступивший после уложения о кормлениях и службе 1555/56 г., — *Н. Н.*), то и все эти ведомости должны были приблизиться к характеру приходо-расходных книг центральных касс». К «подобного рода памятникам» и относится, по мнению А. С. Лаппо-Данилев-

⁴ В. О. Ключевский. Состав представительства на земских соборах древней Руси. Опыты и исследования. Первый сборник статей. Пгр., 1918, стр. 451, 452. (Разрядка автора).

ского, Боярская книга 1556 г.⁵ Но, присоединившись к точке зрения В. О. Ключевского и даже придав ей значительно большую категоричность, чем сам ее автор, А. С. Лаппо-Данилевский не подвергает Боярскую книгу 1556 г. специальному самостоятельному анализу, а ограничивается лишь некоторой конкретизацией вышеприведенных общих соображений В. О. Ключевского. Замечания же А. С. Лаппо-Данилевского о сходстве Боярской книги 1556 г. с «кормленной книгой» Костромской чети 1613—1627 гг., как источников одного типа, выглядят несколько странно. По его же собственному признанию, «основное сходство» этих книг заключается «в том, что они состоят из записей о расходовании сумм на годовое жалованье служилым людям, распределенным на статьи по убывающим размерам денежных окладов, однако содержание обеих книг далеко неодинаково во всех отношениях»; и далее вместо сравнения этого неодинакового «во всех отношениях» содержания для доказательства, что, несмотря на это, книги в целом однотипны (надо же быть последовательным?!), А. С. Лаппо-Данилевский ссылается на описание Боярской книги 1556 г. не кого иного, как А. Х. Востокова, который на основании данного им описания считал, что Боярская книга 1556 г. принадлежит к типу не «кормленных», а «боярских книг».⁶

Такова вторая точка зрения на Боярскую книгу 1556 г. Точка зрения чрезвычайно интересная, но, к сожалению, не получившая развития в историографии. Во всяком случае, никто из последующих историков, специально занимавшихся историей отмены кормлений и возникновения Четей, не подверг Боярскую книгу 1556 г. специальному изучению в намеченном В. О. Ключевским плане.⁷

Первым и, по существу, единственным исследователем, давшим специальный анализ личного состава Боярской книги 1556 г., хотя и в ином плане и в иных целях, был Н. В. Мятлев. Но проведенное им в 1912 г. исследование Боярской книги 1556 г. (осуществленное Н. В. Мятлевым в его работе «Тысячники и московское дворянство XVI столетия») привело автора

⁵ А. С. Лаппо-Данилевский. Предисловие к изданию «Кормленная книга Костромской чети 1613—1627 гг.». РИБ, т. XV, разд. II, стр. III—VI.

⁶ Там же, стр. X, XI. (Разрядка наша, — Н. Н.).

⁷ Можно указать, пожалуй, только на Л. М. Сухотина, который в предисловии к своей большой публикации «Четвертки смутного времени (1604—1617)» (М., 1912, стр. XIII) также считает Боярскую книгу 1556 г. не чем иным, как «первой кормленной книгой», хотя и не приводит никаких доказательств этого, да и вообще не ставит вопроса о ее сравнении с публикуемыми им «кормленными книгами» Галицкой и Владимирской четвертей.

к выводам, весьма существенно отличающимся от вышеизложенных. Дело в том, что Н. В. Мятлев на основании изучения Боярской книги 1556 г. и ее сличения с Тысячной книгой и другими источниками (преимущественно десятнями), пришел к заключению, что Боярская книга — «официальный разрядный документ», составленный правительством Ивана IV в плане реализации уложения о кормлениях и службе 1555/56 г. и представляющий собой «сводное из разных смотренных списков и десятен описание князей и детей боярских, принадлежащих к созданной Октябрьским указом 1550 г. избранной тысяче лучших слуг», которые «по общим именем „дворян и детей боярских выборных“ в рассматриваемое время входили в состав государева полка, смотр коему именно и был, по известиям летописи, произведен летом 1556 г. в Серпухове».⁸ Иначе говоря, по мнению Н. В. Мятлева, Боярская книга 1556 г. не прототип будущих кормленых книг, как предполагали В. О. Ключевский и сторонники его точки зрения, а разрядный документ, «близкий» «к типу описаний разборных десятен начала XVII столетия» и «явившийся результатом осмотра, опроса и „разбора“ — распределения по статьям оклада денежного жалованья княжат и детей боярских разных городов согласно данным о служебной их годности соответственно требованиям приговора о службе 1556 года».⁹

Основанием к этим, по мнению Н. В. Мятлева, «несомненным выводам», служит для него тот факт, что из числа 180 записанных в Боярскую книгу детей боярских «не менее 79» значится и в Тысячной книге, а многие из остальных (в ней не значащихся) несут в половине XVI в. одинаковые с тысячниками обязанности ратной, приказной и посольской службы.¹⁰ Подтверждает указанные выводы, с точки зрения Н. В. Мятлева, и то, что одним из основных критериев для определения годности к службе записанных в Боярскую книгу лиц является упомянутый выше Серпуховский смотр в июне 1556 г., на котором, как сообщает летопись, «государь сам смотрел свой полк, бояр и княжат и детей боярских и людей их всех» и положил на них по их службе («хто ему как служит») и «достойнству» «государское жалование».¹¹

⁸ Н. В. Мятлев. Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912, стр. 61, 66. (Разрядка автора).

⁹ Там же, стр. 61. (Разрядка наша, — Н. Н.).

¹⁰ Там же, стр. 62.

¹¹ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 270, 271. — Подробный разбор данных о Серпуховском смотре 1556 г. см.: Н. В. Мятлев, ук. соч., стр. 63—70.

Н. В. Мятлев не сделал из своих выводов о Боярской книге 1556 г. каких-либо заключений об общей классовой направленности самого уложения 1555/56 г. о кормлениях и службе. В то же время именно выводы Н. В. Мятлева ставят исследователей эпохи Ивана Грозного в весьма затруднительное положение: как увязать широко распространенное, особенно в советской историографии, общее представление о том, что отмена Иваном IV системы кормлений, а следовательно и вся земская реформа 50-х годов, наносила серьезный удар по экономическим и политическим позициям боярства — противника централизации, с положением о том, что именно те самые «бояре и вельможи», говоря словами летописца, которые до этого реально пользовались кормлениями, согласно Боярской книге 1556 г. (в интерпретации ее Н. В. Мятлевым), были не кем иным, как тысячниками или (что по Н. В. Мятлеву одно и то же) «выборными дворянами» — основной опорой, как утверждает та же историография, Ивана IV в его борьбе с боярством — сторонниками централизации.¹²

¹² Так, например, в недавно вышедшем академическом издании «Очерков истории СССР» земская реформа 50-х годов XVI в. характеризуется как одно из мероприятий правительства (в целях «укрепления центрального аппарата власти» и «увеличения удельного веса дворянства в политической жизни страны») «по ликвидации наместничьего управления, находившегося в руках феодальной знати», а октябрьский проект 1550 г. (мысль, что это только «проект», впервые высказана А. А. Зиминим) об испомещении тысячи «лучших слуг» под Москвой — как мероприятие по «обеспечению земель рядовых феодалов» («главным образом из провинциальных детей боярских»), осуществлению которого помешало не что иное, как «сопротивление верхушки боярства» (Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в. М., 1955, стр. 328 — автор раздела А. В. Чернов; стр. 295, 296 — автор раздела А. А. Зимин. Разрядка наша, — Н. Е.). Такой же точки зрения на обе эти реформы придерживаются и авторы нового учебника по истории СССР для вузов. О земской реформе 50-х годов в учебнике говорится, что «отменой системы кормлений боярской аристократии был нанесен серьезный удар»; в описании же испомещения под Москвой избранной тысячи дворян, «предназначавшихся для замещения важнейших должностей при дворе и в армии», продолжает утверждаться, что оно (испомещение) «не было осуществлено», так как «боярство стремилось сохранить свои командные позиции» (История СССР, т. I, М., 1956, стр. 239, 236 — автор раздела А. А. Зимин). Но если так оценивают эти мероприятия авторы указанных коллективных трудов, полагающие, что правительство Ивана IV 50-х годов проводило политику «компромисса» между боярством и дворянством, то вполне естественно, что у исследователей, стоящих на точке зрения, что правительство 50-х годов не только последовательно отстаивало интересы широких слоев дворянства, но и вело активную борьбу с боярством, как носителем феодального сепаратизма, эти реформы еще более определенно оцениваются как открыто антибоярские. Так, автор последнего капитального исследования по эпохе Ивана Грозного И. И. Смирнов прямо пишет, что «декларация Ивана IV о кормлениях (И. И. Смирнов имеет в виду летописный рассказ о речи Ивана IV в 1552 г. после возвра-

Но как ни странно, ни в буржуазной, ни в советской историографии по эпохе Ивана Грозного мы не находим не только ответа на этот вопрос, но даже попытки проверить хотя бы сами выводы Н. В. Мятлева. И это несмотря на то, что вопрос о классовой природе реформ 50-х годов XVI в. до сего времени, пожалуй, является одним из наиболее дискуссионных вопросов советской историографии этого периода.

В полной мере относится сказанное выше и к последним специальным исследованиям С. Б. Веселовского, А. А. Зиминой и И. И. Смирнова, посвященным как реформам 50-х годов, так и непосредственно так называемой «проблеме тысячников».

С. Б. Веселовский, опираясь, по всей видимости, на выводы Н. В. Мятлева (хотя ссылки на него он и не дает) ограничивается лишь указанием, что интересующий нас источник, известный «под неудачным заглавием „Боярская книга“, данным издателями» (?!), представляет собой «отрывок книги общего смотра служилых людей, произведенного московским правительством в 1556 г. в Серпухове».¹³ Никакой же характеристики самой этой «книги общего смотра служилых людей» С. Б. Веселовский не дает, так же как совершенно не касается он и вопроса об участии тысячников в Серпуховском смотре 1556 г.¹⁴

щения из Казани, — Н. Н.) означала новый удар по политическим и экономическим интересам боярства». К 50-м годам, указывает И. И. Смирнов, «наместничье управление, оказавшееся в руках враждебных централизованному государству сил, уже не способствовало, а тормозило рост централизованного аппарата власти и управления». Именно это, полагает И. И. Смирнов, и придавало вопросу об отмене кормлений особую политическую остроту, и именно это делало его одним из центральных вопросов внутренней политики правительства Ивана IV 50-х годов. Что же касается второго интересующего нас акта — октябрьского приговора 1550 г. об испомещении тысячников, то он характеризуется И. И. Смирновым как «первый реальный результат прихода к власти новой, дворянской группировки — разрешение земельного вопроса для руководящих кадров дворянства и вместе с тем средство для консолидации этих дворянских кадров вокруг правительства» (И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958, стр. 266, 350, 417, 422. Разрядка наша, — Н. Н.). Имеются, конечно, и иные точки зрения на интересующие нас вопросы, но вряд ли мы ошибемся, утверждая, что именно указанные точки зрения являются наиболее широко распространенными в советской историографии о реформах 50-х годов XVI в.

¹³ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, стр. 275.

¹⁴ В этом отношении весьма показательны, что даже в своем специальном исследовании «Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном» (Исторические записки, 1945, т. 15, стр. 57—69), непосредственно посвященном анализу октябрьского указа 1550 г. об испомещении под Москвой тысячи избранных слуг, а также изучению государева двора накануне опричнины, С. Б. Веселовский вообще не упоминает о Боярской книге 1556 г.

Обходит вопрос о соотношении Боярской книги 1556 г. и Тысячной книги и А. А. Зимин, хотя именно для него установление (или отрицание) связи между этими источниками, помимо всего сказанного, казалось бы, должно было иметь первостепенное значение для выяснения поставленного самим же автором вопроса — состоялось ли искомещение под Москвой тысячников или «в 1550 г. — как он считает — был составлен лишь проект искомещения тысячников».¹⁵ Что же касается И. И. Смирнова, то он, именно опираясь на выводы Н. В. Мятлева и считая их лишь требующими некоторых уточнений, широко использует данные Боярской книги 1556 г. в качестве одного из доказательств как раз обратного, а именно, что октябрьский указ 1550 г. об искомещении под Москвой избранной тысячи «лучших слуг» не только был реализован на практике, но и явился

¹⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в., раздел «Реформы 50-х годов XVI в.», стр. 295. — Обоснование указанной точки зрения А. А. Зимин приводит в своей статье «К истории военных реформ 50-х годов XVI в.» (Исторические записки, 1956, т. 55, стр. 348—351). Общая же характеристика Тысячной книги как источника дается А. А. Зиминим в предисловии к подготовленному им новому изданию этого памятника (Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, стр. 3—19). Следует, правда, отметить, что при подготовке последнего издания автор еще не считал Тысячную книгу лишь неосуществленным проектом, что и нашло свое отражение в его характеристике октябрьского указа 1550 г. об искомещении под Москвой 1000 «лучших слуг» как одного «из важнейших мероприятий московского правительства 50-х годов XVI в.», мероприятий, в своей совокупности направленных «на упрочение положения дворянства, на ликвидацию наследия эпохи феодальной раздробленности, в частности боярского своеволия» (стр. 5, 4). Что касается специальной работы А. А. Зимина «„Приговор“ 1555/56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве» (История СССР, 1958, № 1, стр. 178—182), то в ней хотя автором и широко используются данные Боярской книги 1556 г., но никакой ее оценки как источника (кроме указания, что «достоверность сведений „Боярской книги“ проверяется сопоставлениями с другими источниками» — стр. 180) не дается. Общая же направленность введенных в 50-х годах XVI в. новых земских учреждений (наличие самого приговора 1555/56 г. как определенного правительственного акта об отмене системы кормлений А. А. Зимина отрицает) характеризуется автором как отражение политики «компромисса» между отдельными группами феодалов, проводимой в то время правительством Алексея Адашева. Эта мысль заслуживает самого пристального внимания, но, к сожалению, она никак не конкретизируется автором применительно к отмене кормлений. В то же время как сочетать ее в свете выводов Н. В. Мятлева с утверждением самого же А. А. Зимина (в его других работах), что «введение опричнины было по сути дела продолжением мероприятий правительства 50-х годов» (компромиссных?! — Н. Н.), а сам «проект искомещения „избранной тысячи лучших слуг“ в 1550 г. являлся в какой-то мере прообразом искомещений опричников» (Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в., стр. 303, ср. стр. 293 — разделы написаны А. А. Зиминим. Разрядка наша. — Н. Н.).

одним из центральных мероприятий в области земельной политики правительства Ивана IV 50-х годов, мероприятий, по мнению И. И. Смирнова, непосредственно направленных против боярства.¹⁶ Давая же оценку самой Боярской книги 1556 г. как источника, И. И. Смирнов, так же как и Н. В. Мятлев, полагает, что «так называемая Боярская книга 1556 г. представляет собой документ, тесно связанный с Тысячной книгой и тысячниками», иначе говоря — «источник, характеризующий тысячников не как отдельных лиц, а как некую оформленную группу или корпорацию». Правда, И. И. Смирнов считает, что «из сохранившегося текста Боярской книги 1556 г. не вытекает с необходимостью, что она обязательно должна была включать в себя весь состав тысячников». «Дошедшая до нас часть Боярской книги 1556 г. содержит 13 из 25 статей, на которые разбиты в ней дети боярские (начиная со ст. 11, причем ст. ст. 13 и 14 отсутствуют вовсе). В этой части Боярской книги 1556 г. насчитывается около 180 человек, т. е. в среднем по 15 человек на статью. Если считать, что в первоначальном виде Боярская книга 1556 г. включала в себя всю „избранную тысячу“, то необходимо было бы допустить, что число „статей“ в ней должно было бы превысить шестьдесят, что, конечно, маловероятно». «Осторожнее, — думает поэтому И. И. Смирнов, — полагать, что в Боярскую книгу 1556 г. была занесена какая-то часть тысячников».¹⁷ Но указанное разъяснение И. И. Смирнова (к сожалению, не доведенное им до конца, так как И. И. Смирнов не поясняет, что за «какая-то часть тысячников» и именно почему только часть была занесена в Боярскую книгу) отнюдь не колеблет, да И. И. Смирнов и не имеет это в виду, общий вывод Н. В. Мятлева, что Боярская книга 1556 г. представляет собой описание «группы» или «корпорации» «тысячников», а не кого-либо иного. Все или не все тысячники были включены в Боярскую книгу 1556 г. — это уже производный, частный вопрос и для Н. В. Мятлева и, по существу, для самого И. И. Смирнова, вопрос, не меняющий даваемой ими общей принципиальной оценки соотношения Тысячной книги и Боярской книги 1556 г. как документов, организационно оформляю-

¹⁶ И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30-х—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958 (далее: Очерки), стр. 407—422, см. также стр. 428—432. — В своем исследовании И. И. Смирнов на основе тщательного изучения писцовых книг Московского уезда XVI в., а также ряда других источников показывает неправильность рассматривать Тысячную книгу только как неосуществленный правительственный проект. Автор настоящей статьи полностью разделяет точку зрения И. И. Смирнова.

¹⁷ Там же, стр. 419, 420. (Разрядка наша, — Н. Н.).

щих (первый — в земельном, а второй — в финансовом отношении) одну и ту же группу московских служилых людей — тысячников.

Таково сложившееся в историографии весьма сложное (если не сказать двойственное) отношение к Боярской книге 1556 г. как к источнику. Приступая к настоящей работе, мы (в силу вышесказанного) поставили себе целью в первую очередь проверить «несомненные выводы» Н. В. Мятлева и неожиданно для себя пришли к выводам, которые заставили нас пересмотреть общее представление о Боярской книге 1556 г. как одном из важнейших официальных источников о реформах Ивана IV 50-х годов.

Итак, переходя непосредственно к рассмотрению Боярской книги 1556 г. как исторического источника, в первую очередь, следует выяснить, что же представляет собой сам подлинник, вернее та рукопись, по которой Боярская книга была опубликована М. А. Оболенским в 1861 г.

Подлинник Боярской книги 1556 г. хранится в настоящее время в ЦГАДА и представляет рукопись XVI в. на 174 листах в четверку, переплетенную в XVIII в. в виде отдельной небольшой книги.¹⁸ Написана рукопись двумя почерками середины XVI в. (лл. 1—124 — одним почерком и лл. 125—174 — другим). На первом листе рукописи почерком XVII в. написан заголовок: «7064 году — Книга Боярская, сколько за ними поместья и сколько имеют дать людей на службу в доспехах с сайдаки и с сабли и что с них бояр надлежит взяти тем людям на жалованье денег».¹⁹ Текст самой книги (рукописи) разбит на статьи, заголовки которых написаны крупными буквами. Дошедшая до нас часть рукописи состоит из 13 статей: от 11-й до 25-й включительно, причем ст. ст. 13 и 14 отсутствуют. При переплетении статьи перепутаны — ст. ст. 11, 12 и 15 помещены за

¹⁸ ЦГАДА, Боярские и городские книги (ф. 137), Боярские книги, № 1а. — Рукопись, видимо, уже в XVIII в. была весьма ветхой, о чем говорят попытки реставрировать ее еще при переплетении. Тогда же была произведена и нумерация листов (до этого листы рукописи не имели номеров), а также составлено на специально вклеенных для этой цели листах (на бумаге XVIII в.) оглавление — алфавит записанных в Боярской книге фамилий с указанием листов рукописи, где они упоминаются. Видимо, в XVIII в. Боярская книга 1556 г. использовалась как своеобразный родословный справочник.

¹⁹ Разрядка наша, — Н. Н. В издании М. А. Оболенского дата «7064 году» в заголовке не воспроизведена (Бояр. кн., стр. 27). Под заголовком на первом листе рукописи имеются пометы: «нача[ла] нет», «выписа[но]» и «Тургенева нет». Пометы сделаны другим почерком, чем заголовок, но тоже почерком XVII в. Судя по ним, начало рукописи отсутствовало уже в XVII в.

25-й, а за ст. 15 в конце книги помещена еще раз ст. 18.²⁰ На каждое лицо (или два лица, записанных в один оклад) в книге отводится один лист. Между статьями, как правило, оставлено два-три чистых листа, видимо, про запас — для внесения в книгу новых лиц. Бумага, на которой написана Боярская книга, по имеющимся на ней водяным знакам, относится к середине XVI в., причем показательно, что наиболее близкие к ней образцы, приводимые в альбоме Н. П. Лихачева, датируются как раз 1555—1556 гг.²¹ Это дает основание считать, что перед нами не позднейший список, а подлинник Боярской книги 1556 г., ее официальный рабочий экземпляр, хранившийся, вероятно всего, как мы увидим ниже, в Разряде.

То, что перед нами подлинник Боярской книги 1556 г., наглядно подтверждается и многочисленными рабочими пометами, сделанными на рукописи тем же почерком, каким написан и ее основной текст. Пометы содержат указания о смерти²² или дополнительные сведения (уточнения) о служебной деятельности тех или иных лиц, записанных в Боярскую книгу. Так, например, на л. 19 в данных о Н. С. Вельяминове слова «кормления за ним не сыскано» зачеркнуты, а вместо них написано «съехал с Богтюжские правды на Рождество 61-го, держал [д] ... года»; на л. 64 над фамилией М. Д. Игнатьева написано «староста губной»; лл. 67а²³—68 с записью данных о Юшке (фамилия нельзя прочесть, начало листа истлело) перечеркнуты, и на л. 68 сделана запись — «в Юшково место Якушу Бухвалову 12 руб., — то и на люди»; на л. 118 слова «поехати ему на

²⁰ Правда, следует отметить, что эти последние статьи, а именно ст. ст. 11, 12, 15 и вторично (продолжение) ст. 18 написаны другим почерком, чем помещенные перед ними ст.ст. 16—25.

²¹ На бумаге, на которой была написана Боярская книга 1556 г., наиболее ясно выступают две филигранные. Одна филигрань — сфера, пересеченная чертой, на одном конце пятиконечная звезда, на другом — кружок (наиболее ясно на л. 102). По Н. П. Лихачеву, датируется, как правило, 50—70-ми годами XVI в. Наиболее похожие образцы на «сотной выписи» «7064 г.» (1555/56 г.) и образцах 1555—1558 гг. (Н. П. Лихачев Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1. СПб., 1899, №№ 2994, 1757, 1758, 3163). Другая филигрань — кувшин с верхним украшением типа триады и крестом на лицевой части (наиболее ясно на л. 128). По Н. П. Лихачеву, все наиболее близкие образцы относятся к середине XVI в.; правда, воспроизведения точно такой филигранны нам не удалось найти.

²² Всего помет о смерти («умер») 5, а именно: о князе Ф. М. Борятинском (л. 1), о И. Ф. Колтовском (л. 9; кроме этого, весь лист перечеркнут теми же чернилами), о С. С. Извольском (л. 90 об., в издании не воспроизведена), о У. Ф. Игнатеве (л. 148), о Г. Т. Губине (л. 168). Все пометы сделаны над строкой или на полях.

²³ Лист рукописи не нумерован, но поскольку он идет за л. 67, обозначаем его л. 67а. В издании текст на л. 67а не воспроизведен.

ясельничее» исправлены на: «поехал на ясельничее» (исправление в издании не воспроизведено); и, наконец, на л. 150 об. в записи: «Андрей да Иван Даниловы дети Кикина» — слова «да Иван» зачеркнуты, и сверху написано «у Путила» (ниже мы особо останавливаемся на этой очень важной помете).

Таким образом, мы видим, что дошедшая до нас рукопись Боярской книги 1556 г. представляет собой официальный делопроизводственный документ, составитель которого пользовался им в практических целях, тщательно проверяя по другим официальным документам правильность приводимых в ней сведений.²⁴ Отсюда и другие особенности рукописи: оставление чистых листов в конце статей для записи новых лиц, вычеркивание одних — умерших, замена других — непригодных или указания о необходимости проверки данных о третьих — сомнительных, как, например, о И. Д. Полеванове, о котором сказано, что он «в Серпухове смотр не был, был в плену; а Полской смотр сыскати».²⁵

В дошедшей части Боярской книги 1556 г. всего записано 180 детей боярских, расположенных в ней в зависимости от размера денежного оклада по 13 статьям (табл. 1).²⁶

Таблица 1

	Статьи												
	11-я	12-я	15-я	16-я	17-я	18-я	19-я	20-я	21-я	22-я	23-я	24-я	25-я
Размер денежного оклада (в рублях)	50	45	30	25	20	17	15	12	10	9	8	7	6
Количество лиц, записанных в статью	1	4	5	14	13	57	18	42	2	7	11	2	4

²⁴ Подробно о работе составителя Боярской книги 1556 г. и ее источниках см. ниже, стр. 212, 213, 219—221 и след.

²⁵ Бояр. кн., л. 164. (Разрядка наша, — Н. Н.).

²⁶ Такое же число детей боярских (180 человек) указывает и Н. В. Мятлев. А. И. Яковлев называет цифру в 174 человека (А. И. Яковлев, ук. соч., стр. 312). Но это явная ошибка. А. И. Яковлев, видимо, не производя подсчетов, принял число листов в Боярской книге (174) за число людей (исходя из того, что, как правило, в книге на каждое лицо отводится отдельный лист) и не учел того, что в ней имеется пять случаев записи двух братьев в один оклад (лл. 69, 81, 114, 159, 168), а также, что л. 135 пронумерован дважды, а на лл. 67а—68 (не воспроизведенных в издании из-за их дефектности) «в Юшково место» записан Якуш Бухвалов. И. И. Смирнов указывает цифру 178 человек. Но это какая-то ошибка в подсчетах (И. И. Смирнов. Очерки, стр. 420).

Сколько же было в Боярской книге 1556 г. всех статей и сколько детей боярских в ней было всего записано— нам не известно. Но все же некоторые наблюдения в этом отношении можно сделать.

Так, если учесть, что разница между размерами денежных окладов начиная со ст. 17 и ниже составляет 5 руб., а оклад ст. 11 равен 50 руб., то можно с достаточной уверенностью, на что указывал еще Б. А. Романов, полагать, что оклад отсутствующих статей соответственно составляет ст. 10—55 руб., ст. 9—60 руб., ст. 8—65 руб., ст. 7—70 руб., ст. 6—75 руб., ст. 5—80 руб., ст. 4—85 руб., ст. 3—90 руб., ст. 2—95 руб. и ст. 1—100 руб. Если же учесть, как отмечает Б. А. Романов, что ст. 25 Судебника 1550 г. устанавливает штраф в размере 50 руб. за «бесчестье» «большого гостя», то вполне естественно отнести всех лиц, которые должны были быть записаны в недошедших до нас ст. ст. 1—10 Боярской книги 1556 г. к верхам феодального класса — к собственно боярству в широком смысле этого слова.²⁷ Эта группа лиц, размещенная в 10 первых статьях, занимала, видимо, весьма видное место в Боярской книге 1556 г. Что же касается низших статей Боярской книги, то маловероятно, чтобы за ст. 25 с окладом в 6 руб. были еще статьи, так как, судя по десятням второй половины XVI в., денежные оклады ниже 6 руб., а именно в размере 4—5 руб. получали, как правило, только «новики» и то преимущественно из городских детей боярских (дворовые «новики» обычно получали больше—от 6 до 8 руб.), а также сравнительно небольшая группа детей боярских (как бы сказать третьеразрядных), живущих в городах «с осадной головой для осадного времени». Последние, например, получали, по Коломенской десятне 1577 г., по 5 руб.²⁸ Наконец, если, согласно самой же Боярской книге 1556 г., по 2 руб. полагалось на каждого выставленного с земли холопа в полном вооружении и по 5 руб. — на выставленного сверх нормы, то совершенно естественно, что денежный оклад самого служилого человека, вооружение кото-

²⁷ Ср.: Б. А. Романов. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. Исторические записки, т. 52, 1955, стр. 331.

²⁸ О размерах денежного жалованья служилым людям см.: В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства, т. I. М., 1891; т. II. М., 1908; Е. Д. Сташевский. Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. Чтения ОИДР, М., 1910; Ю. В. Готье. Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. Чтения ОИДР, М., 1910. Что касается размеров денежного жалованья четвертчикам второй половины XVI в., то В. Н. Сторожев полагает, что размеры его простирались от 6 до 60 руб. (В. Н. Сторожев. Деньги из Чети. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. X, стр. 414; специальное рассмотрение вопроса о размере четвертного жалованья дается им в его исследовании «К вопросу о четвертчиках» (ЖМНП. 1902, № 1, стр. 1—23)).

рого стоило значительно дороже, вряд ли мог быть ниже 6 руб. Иначе говоря, мы считаем, что Боярская книга 1556 г. состояла из 25 статей, между которыми были распределены дети боярские с размером денежного оклада от 6 до 100 руб. Учитывая же, что основная группа лиц, включенных в Боярскую книгу 1556 г., записана в ст. ст. 18—20, где числится 117 человек из 180, значащихся в дошедшей до нас части книги, а также имея в виду уменьшение количества лиц, записанных как в большие, так и меньшие по сравнению с ними статьи, можно полагать, что до нас дошла основная (в количественном отношении) часть книги, в которой в целом виде было записано всего вероятнее около 300—350 человек.²⁹

Но что же представляли собой по своему социальному положению лица, записанные в Боярскую книгу? Сличение Боярской книги 1556 г. с Тысячной книгой и Дворовой тетрадью 50-х годов дает достаточно ясный ответ на этот вопрос.³⁰

Так, оказывается, что из 180 лиц, записанных в Боярскую книгу, 132 человека было в 50-х годах дворовыми детьми боярскими 33 городов: по Бежецкому Верху—4, Владимиру—2, Волоколамску—1, Вязьме—6, Дмитрову—11, Галичу—1, Зубцову—1, Калуге—2, Кашину—2, Кашире—3, Козельску—2, Коломне—2, Костроме—11, Можайску—1, Москве—5, Мурому—1, Новгороду—9, Пскову—10, Переяславль-Залесскому—2, Ржеву—2, Романову—1, Ростову—1, Рузе—1, Рязани—12, Суздаю—7, Тарусе—2, Твери—3, Торжку—3, Торопцу—5, Туле—2, Юрьеву—2, Ярославлю—8, Ярославцу—1; в том числе 6 человек не расписаны по городам: мосальских князей—3, ростовских князей—1 и ярославских князей—2.

Из указанных 132 дворовых детей боярских 64 человека мы находим записанными и в Тысячную книгу 1550 г. По статьям соотношение общего числа детей боярских, записанных в Боярскую книгу, к детям боярским, числящимся по Дворовой тетради 50-х годов и Тысячной книге дворовыми, показано в табл. 2.

Из тысячников, не значащихся в Дворовой тетради, но числящихся по Боярской книге 1556 г., нам удалось найти только

²⁹ На то, что общее количество лиц, записанных в Боярскую книгу 1556 г., должно было быть значительно меньше тысячи, указывает и И. И. Смирнов (Очерки, стр. 420).

³⁰ Сличение Боярской книги 1556 г. с Тысячной книгой (далее: Тys. кн.) и Дворовой тетрадью (далее: Двор. тетр.) 50-х годов произведено нами по указанному выше изданию А. А. Зимина. Изданием Тысячной книги Н. П. Лихачева и Н. В. Мятлева мы пользовались лишь для наведения генеалогических справок о тысячниках (см. Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга 7059—1550 года. Орел, 1911, указатель).

Таблица 2

	Статьи											Всего		
	11-я	12-я	15-я	16-я	17-я	18-я	19-я	20-я	21-я	22-я	23-я		24-я	25-я
Число детей боярских в статье	1	4	5	14	13	57	18	42	2	7	11	2	4	180
Из них дворовых	1	4	3	12	11	43	11	31	1	5	6	2	2	132
В том числе тысячников . . .	1	3	2	7	7	23	7	11	—	—	1	1	1	64

8 человек, а именно: один князь стародубский, один князь ростовский, два ржевских помещика и лишь четыре сына боярских, прямо поименованных «городовыми» — два новгородца и два псковича.³¹ Всего же тысячников числится в Боярской книге 1556 г. 72 человека.³² В Тысячной книге они записаны: 1 человек в I статье, 31 — во II и 40 — в III статье. Причем весьма характерно, что между постатейным распределением детей боярских в Тысячной книге и Боярской книге 1556 г. не только нет никакого соответствия, но, напротив, в низших (больших) статьях Боярской книги — в ст. ст. 11—12 числятся тысячники III статьи, в то время как в высших (меньших)

³¹ Персонально это тысячники: князь П. Б. Пожарский (Бояр. кн., ст. 17, л. 27; Тыс. кн., л. 125), князь И. Д. Щепин-Ростовский (Бояр. кн., ст. 20, лл. 91 об., 92; Тыс. кн., л. 150 об.), ржевские помещики Т. Г. Кошкин и А. Е. Огарев (Бояр. кн., ст. 20, л. 89; ст. 21, л. 99; Тыс. кн., л. 167), городовые дети боярские по Новгороду С. Ф. Нагаев и И. П. Блаженков (Бояр. кн., ст. 16, л. 10; ст. 19, л. 48; Тыс. кн., л. 160) и по Пскову А. А. Шмойлов и А. Д. Гурьев (Бояр. кн., ст. 19, лл. 46, 47; Тыс. кн., л. 165—165 об.). Что касается первых четырех, то из одного лишь факта, что они не поименованы в Тысячной книге дворовыми и не найдены нами в Дворовой тетради, отнюдь еще не вытекает, что они ими не были, так как, во-первых, Дворовая тетрадь составлена позднее Тысячной книги (и их уже могло не быть в живых), а во-вторых, — и это главное — Тысячная книга отмечает, является ли то или иное лицо дворовым или городовым сыном боярским, только при перечислении новгородцев, псковичей, а также торопецких и луцких помещиков. Что касается княжат и ржевских помещиков, то они не делаются Тысячной книгой на дворовых и городовых.

³² Н. В. Мятлев называет цифру «не менее 79», т. е. по крайней мере на семь человек больше, чем у нас (Н. В. Мятлев, ук. соч., стр. 62). Не исключено, что Н. В. Мятлеву, одному из лучших знатоков дворянских генеалогий XVI—XVII вв., удалось выявить некоторых лиц, значащихся в Тысячной книге и Боярской книге 1556 г. под разными фамилиями, хотя на самом деле имелось в виду одно и то же лицо, но, вообще, это маловероятно. К сожалению, проверить данные Н. В. Мятлева в настоящее время невозможно. Что касается цифры 69, приводимой И. И. Смирновым, то она занижена (И. И. Смирнов. Очерки, стр. 420).

статьях Боярской книги — ст. ст. 20—25 явно преобладают тысячники II статьи, тут же, в ст. 20, числится и единственный (в дошедшей до нас части Боярской книги) тысячник I статьи — князь И. Д. Щепин-Ростовский.³³ Последняя особенность весьма характерна — она указывает, что в основу Боярской книги 1556 г., и в первую очередь постатейного распределения записанных в нее лиц, были положены иные критерии и принципы, чем в основу Тысячной книги.

Что касается остальных 40 детей боярских, записанных в Боярскую книгу 1556 г., которых мы не находим ни в Тысячной книге, ни в Дворовой тетради, то весьма симптоматично, что у 22 из них ближайшие родственники (отцы и братья) числятся среди дворовых детей боярских. Последнее дает основание предполагать, что и они сами были дворовыми детьми боярскими, особенно если учесть хронологическую разницу между Боярской книгой 1556 г., с одной стороны, и Тысячной книгой и Дворовой тетрадью, относящихся к началу 50-х гг., — с другой.³⁴ Наконец, нельзя не учитывать и того, что в дошедших до нас списках Дворовой тетради отсутствуют данные о дворовых детях боярских таких городов, как Новгород и Псков. По Тысячной же книге мы, естественно, смогли выявить

³³ Общее соотношение в распределении тысячников I—III статей по статьям Боярской книги 1556 г. видно из следующей таблицы.

	Статьи Боярской книги												Всего	
	11-я	12-я	15-я	16-я	17-я	18-я	19-я	20-я	21-я	22-я	23-я	24-я		25-я
Тысячники:														
I статьи	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
II статьи	—	—	1	4	6	4	6	7	1	—	—	1	1	31
III статьи	1	3	1	4	2	19	4	5	—	—	1	—	—	40

³⁴ Дворовая тетрадь была составлена, как указывается в одном из ее списков, в 1551/52 г. (ГИМ, Муз. собр., № 3417, л. 42 об.). Что же касается мнения А. А. Зимина, что «Дворовая тетрадь была действующим документом, к которому (после составления его первоначального текста в «7060 г.», — Н. Н.) последовательно приписывались на протяжении 50—60-х годов XVI в. все новые данные о составе государева двора вплоть до начала 1562 г.» (А. А. Зимин. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. Исторические записки, 1956, т. 55, стр. 352), то, как показывает произведенное нами сравнение данных Дворовой тетради с Каширской десятой 1556 г., эти «приписки» к ней были далеко не полны. Вообще, вопрос о соотношении Дворовой тетради и десятен представляется нам не вполне ясным (ср.: И. И. Смирнов. Рецензия на издание «Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века». Вопросы истории, 1951, № 7, стр. 115—117).

только новгородских и псковских дворовых детей боярских тысячников (их оказалось, как указано выше, 19 человек), остальные же дворовые дети боярские Новгорода и Пскова нам не известны. А отсюда можно полагать (по примеру других городов), что многие из тех 40 человек, сведениями о которых мы не располагаем, как раз и были не записанные в Тысячную книгу дворовые дети боярские Новгорода и Пскова. Во всяком случае, поскольку эти 40 человек не могли быть тысячниками, то можно с достаточной уверенностью утверждать, что если бы в наших руках был полный список Дворовой тетради (с данными по Новгороду и Пскову), то процентное соотношение между записанными в Боярскую книгу 1556 г. дворовыми детьми боярскими тысячниками и дворовыми детьми боярскими нетысячниками заметно бы возросло в пользу последних, т. е. нетысячников. Допустить же обратное, а именно, что Новгород и Псков в отличие от всех других городов занимали особое положение и из числа их детей боярских в Боярскую книгу были записаны только исключительно одни тысячники, у нас никаких оснований нет. Но даже и это допущение, кстати, не увеличило бы числа самих тысячников среди лиц, записанных в Боярскую книгу 1556 г.

Но, как мы помним, Н. В. Мятлев не просто ставит вопрос о том, что Боярская книга 1556 г., представляла собой официальный разрядный документ — запись раздачи денежного жалованья тысячникам, но и идет значительно дальше и вообще ставит знак равенства между тысячниками и институтом выбора. Н. В. Мятлев прямо пишет, что «известиями современных источников с точностью устанавливается тождество дворян и детей боярских выборных или служащих „в выборе“ с детьми боярскими, записанными в избранную тысячу лучших слуг». Подтверждение этому Н. В. Мятлев видит, во-первых, в том, что дошедшие до нас дворянские родословные росписи XVI в., говоря о лицах, записанных в Тысячную книгу, обычно констатируют этот факт следующим образом: великий князь Иван IV в 1550 г. то или иное лицо (из того или иного города) «в выбор в Тысячную книгу велел написать и дано под Москвой поместье», или же (второй, более распространенный вариант): те или иные лица «при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси служили по московскому списку и написаны в Тысячную книгу 7059 году»; а во-вторых, в том, что в позднейших официальных разрядных книгах (Н. В. Мятлев, в частности, имеет в виду разряд Полоцкого похода 1563 г.) многие из тысячников числятся «в головах» в «выборных дворянах».³⁵

³⁵ Н. В. Мятлев, ук. соч., стр. 66—69.

Таковы документальные известия, какие имеет в виду Н. В. Мятлев. Но нетрудно убедиться, что истолковывает их Н. В. Мятлев явно тенденциозно. Дело в том, что, как видно из исследования В. И. Новицкого, посвященного специально «выборному» и «большому дворянству» XVI—XVII вв., институт выбора отнюдь не был создан октябрьским указом 1550 г. об испомещении под Москвой «тысячи избранных слуг» для посылок, а сложился, всего вероятнее, постепенно еще в первой половине XVI в.³⁶ Во всяком случае, как показывают десятки и другие официальные разрядные документы второй половины XVI в., служба в выборе (т. е. по особому московскому списку) была временной; обычно тот или иной сын боярский служил в выборе лишь определенное время, по свидетельству Маржерета — три года.³⁷ Это объяснялось в первую очередь материальными соображениями, так как столичная служба требовала больших материальных затрат. Наконец, служба в выборе хотя и проходила преимущественно в Москве или в великокняжеском войске, но никогда не сопровождалась обязательным испомещением под Москвой. Сам факт, что это была временная служба, по существу, исключал это.

Уже приведенные общие соображения ставят под сомнение правомерность отождествления выбора с тысячниками и превращения его уже в 50-х годах в какую-то особую наследственную (кастовую) группу дворянства, материальной основой которой было обязательное наличие поместий под Москвой.³⁸ Наоборот, состав выбора, как показывает практика второй половины

³⁶ В. И. Новицкий. Выборное и большое дворянство XVI—XVII вв. Киев, 1915, стр. 7—18. — В. И. Новицкий, в частности, указывает, что «первое глухое известие о выборной практике» встречается в Воскресенском летописце еще под 1541 г. (стр. 14, см. также стр. 18, 19).

³⁷ Так, характеризуя институт выбора, Маржерет говорит, что «выбирают (l'on choisist): из лучших служилых по отечеству (gentils-hommes) каждого города, под которым они имеют свои земли, именуемых выборными дворянами (Vuibourne Desioeppe), из нескольких городов в зависимости от величины их в числе шестнадцати, восемнадцати, до двадцати, даже до тридцати; они пребывают в городе Москве в продолжении трех лет: затем другие выбираются, а этих отпускают» (цитируем по В. И. Новицкому: ук. соч., стр. 30, — дающему наиболее точный перевод с французского издания этого важного известия Маржерета). «Из данной цитаты ясно, — совершенно справедливо указывает В. И. Новицкий, — что среди выборных дворян было немало лишь призванных на Москву, но под столицей не испомещенных... их связь со столицей определяется только призывом» (там же).

³⁸ В октябрьском приговоре 1550 г. прямо указывается, что сына боярского, вышедшего из избранной тысячи, должен был замещать его сын; если таковой был и оказывался годным к столичной службе, к нему переходило и московское поместье отца.

XVI в., был далеко не стабилен, а периодически обновлялся. Это, правда, не означает, что, например, в 50-х годах значительную часть выбора не могли составлять тысячники, как лица, хорошо материально обеспеченные, — «лучшие дети боярские». Поэтому нет ничего удивительного, что в Разрядных книгах 50—60-х годов, и в частности в том же Полоцком разряде 1563 г., мы находим много тысячников в числе «голов» или «выборных детей боярских», — это действительно характерное явление, но оно отнюдь не означает, как думает Н. В. Мятлев, тождества этих двух различных в своей основе явлений: ипомещения избранной тысячи «лучших слуг» под Москвой в октябре 1550 г. как мероприятия, проведенного для особых целей, и выбора как постоянного института комплектования определенной категории служилых людей, несущих в течение определенного, лимитированного срока службу по особому московскому списку в качестве преимущественных «голов» местных дворянских сотен.

Что же касается вышеприведенных показаний дворянских родословцев о том, что то или иное лицо в прошлом, т. е. в 1550 г., было «выбрано» и записано в Тысячную книгу, то перед нами лишь простая констатация факта, что данное лицо было действительно избрано (выбрано) для включения в число тысячников (и никуда более). Все иные выводы из этого весьма лаконичного и трафаретного известия (рассчитанного в первую очередь на обоснование особых заслуг и знатности своего рода) были бы произвольны. Не разъясняют вопроса и упоминания о службе тысячников по «московскому списку» (а по какому иному списку, став тысячниками, они могли служить?!). Во всяком случае по московскому списку служили не только одни тысячники и «выборные люди», но и те же дворовые дети боярские Московского и иных уездов (если они в порядке исключения не несли службы по городу).³⁹ Иначе говоря, «московский список» — понятие слишком общее, и тре-

³⁹ С. Б. Веселовский даже вообще считает, что «московский список» — это лишь одно из наименований того же «дворового списка». По мнению С. Б. Веселовского, «группа дворовых из городов распалась на две части: на служащих по дворовому списку и на дворовых служащих как „выбор из городов“, т. е. на отборных» (С. Б. Веселовский. Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном, стр. 60). Но последнее, правда, не вполне точно. В десятых XVI в. институт выбора не выступает только как простая разновидность (лучшая — отборная часть) дворовых детей боярских: в составе выбора встречаются и городские дети боярские. Мы уже не говорим о том, что выбор, как явление новое, порожденное той общей военно-служилой реорганизованной господствующего класса, которая происходила в Русском государстве в середине XVI в., в конечном счете шел на смену старому делению служилых людей на дворовых и городских, и это нельзя не учитывать.

буются доказательства (а их Н. В. Мятлев не приводит), что имелся в виду особый московский список, по которому несли службу выборные дворяне и городовые дети боярские.

Таким образом, мы считаем, что институт выбора не был создан испомещением избранной тысячи, а сам его состав в 50-х годах отнюдь не обязательно был тождественным избранной тысяче, хотя многие представители последней в то или иное время входили в его состав.

Этот вывод наглядно подтверждается Каширской десятью 25 июня 1556 г., единственной из сохранившихся до нас десятен, относящихся, как и Боярская книга, к 1556 г. Так, из 16 детей боярских (15 дворовых и 1 городского), числящихся по Кашире «в выборе», мы не находим ни одного тысячника, хотя в Тысячной книге записано пять каширских детей боярских. В то же время среди каширских дворовых детей боярских, значащихся «в выборе», мы находим 11 детей боярских, числящихся по Дворовой тетради среди каширских дворовых детей боярских.⁴⁰ Всего же в Каширской десятне 1556 г. записано 57 дворовых детей боярских (включая 15 в выборе), в то время как в Дворовой тетради числится 103 человека⁴¹ (не считая 2 детей боярских, служащих по Галичу), в том числе 32 сына боярских (включая 11 в выборе), фамилии которых значатся и в Дворовой тетради. Последний пример совершенно ясно показывает невозможность отождествлять применительно к 1556 г. выбор с избранной тысячей.

В то же время Каширская десятина 1556 г. не дает оснований считать и лиц, включенных в Боярскую книгу 1556 г., «выбором», если даже понимать под ним («выбором»), в отличие от Н. В. Мятлева, не тысячников, а иную, более широкую группу лиц. Этому явно противоречит тот факт, что те два сына боярских каширянина, которых мы находим в сохранившейся части Боярской книги 1556 г., в Каширской десятне 1556 г. значатся отнюдь не «в выборе», а среди дворовых детей боярских, какими значились они и в Дворовой тетради. Мы имеем в виду Александра Степановича Лихарева и князя Ивана Федоровича Горчакова-Перемышльского.⁴² Оба они значатся по Каширской

⁴⁰ Каширская десятина 1556 г. (сообщена Е. Гуляевым). «Heraldica». Исторический сборник Н. В. Шапошникова, т. I. СПб., 1900, стр. 28—44.

⁴¹ В том числе один большой и один «новик».

⁴² Бояр. кн., лл. 25, 26; Двор. тетр., лл. 120 об., 121; Каширская десятина 1556 г., №№ 6, 12. — Следует также отметить, что у Григория Шеремета Колтовского, записанного в Боярскую книгу (л. 149), в Дворовой тетради и Каширской десятне 1556 г. среди дворовых детей боярских числится его брат Тимофей Шереметев Колтовской, а самого же его нет ни в Дворовой тетради, ни в десятне (Двор. тетр., л. 127 об.; Каширская десятина 1556 г., № 8). У Ивана Большого Васильева сына Мясоедова,

десяти 1556 г. с поместным окладом в 600 четей. В Боярской же книге 1556 г. А. С. Лихарев записан с поместьем в 400 четей, что он и подтвердил на Серпуховском смотре. Что же касается князя И. Ф. Горчакова-Перемышльского, то по Боярской книге 1556 г. за ним поместье из 400 четей, хотя на Серпуховском смотре он «сказал» поместья лишь на 300 четвертей. Разница в поместном окладе (норме) и реальной земельной обеспеченности — явление типичное для XVI в.; интересно другое, а именно, что оба названных лица прошли два смотра: Каширский, состоявшийся 25 июня 1556 г., и Серпуховский, проходивший, согласно летописному известию, также в июне 1556 г. Последнее известие явно не вяжется с вышеприведенным утверждением Н. В. Мятлева, что в Серпухове был проведен смотр лишь «дворян и детей боярских выборных». На самом деле в Серпухове прошел смотр, видимо, не только «государева полка», но и иных служилых людей, в частности и обычных дворовых детей боярских (во всяком случае какой-то их части), к числу которых принадлежат А. С. Лихарев и князь И. Ф. Горчаков-Перемышльский.

Итак, все вышесказанное дает основание сделать вывод, что основным критерием для включения того или иного лица в Боярскую книгу 1556 г. была не его принадлежность к избранной тысяче или «выбору», а его принадлежность к дворовым детям боярским. И именно последнее, т. е. принадлежность тысячника к дворовым детям боярским, являлось причиной его включения в Боярскую книгу 1556 г., а отнюдь не наоборот.⁴³

Но почему в Боярскую книгу 1556 г. были включены именно дворовые, а не городовые дети боярские, и не вообще дворовые, а преимущественно наиболее видные из них — тысячники или иные «лучшие дети боярские». Нам думается, что это не только не случайно, но определяется, по существу, самим характером Боярской книги 1556 г., вернее — теми целями, в которых она была составлена и которым она должна была служить.

Как уже отмечалось, Боярская книга 1556 г. была составлена в целях реализации «царского приговора» (уложения) 1555/56 г. о кормлениях и службе, содержание которого сводилось к отмене системы кормлений и введению на местах земского само-

записанного в Боярскую книгу (л. 116) и Дворовую тетрадь (л. 121 об.), в Каширской десятне 1556 г. значится брат — Семен Васильев сын Мясодев, дворовый сын боярский «в выборе», самого же его в десятне нет (Каширская десятня 1556 г., № 45).

⁴³ Что же касается четырех городовых детей боярских из числа тысячников, включенных в Боярскую книгу 1556 г. (четыре из 140 нам известных), то объяснение этого факта надо искать, как мы увидим ниже, не в проблеме соотношения Боярской книги 1556 г. и Тысячной книги, а в иной сфере господствовавших тогда феодальных отношений.

управления, главным звеном которого в районах поместно-вотчинного землевладения стал институт губных старост, а также замене «кормленных» доходов, получаемых ранее служилыми людьми во время пребывания их в наместниках, в волостелях или на других «кормленных» должностях, особым денежным жалованьем, получаемым ими непосредственно из приказов из числа оброков (за наместничьи, волостелины и другие доходы), собираемых «к царским казнам» великокняжескими дьяками. Из этих денег великий князь, как указывает летопись, «бояр... и велможь и всех войнов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоит по отечеству и по дородству, а городовых в четвертый год, а иных в третьей год денежным жалованием». Одновременно, согласно «приговору», было произведено и общее уравнивание службы с поместий и вотчин, а именно «в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим; а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе в полном, а в далной поход о дву конь; и хто послужит по земли, и государь их жалует своим жалованием, кормлении и на уложенные люди дает денежное жалование; а хто землю держит, а службы с нее не платит, на тех на самех имати денги за люди; а хто дает в службу люди лишние перед землею, через уложенные люди, и тем от государя большее жалование самим, а людем их перед уложенными и полътретиа давати денгами. . . И подлинныя тому розряды, — поясняет летопись, — у царьских чинов начальников, у приказных людей».⁴⁴

Не надо особых доказательств, чтобы увидеть в Боярской книге 1556 г. один из «подлинных тому розрядов», совершенно точно составленный по вышеизложенной схеме, начиная с выяснения, применительно к каждому включенному в Боярскую книгу в один оклад лицу (а в некоторых случаях и двух — братьев, положенных в один оклад), размера и характера их прежнего кормления (за последние 4—6 лет), а также специальных денежных дотаций, если такие были, на службу, выяснения их реальной земельной обеспеченности (поместьем и вотчинами) и установления, согласно нормам уложения («со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе в полном, а в дальной поход о дву конь»), сколько ратных людей (холопов) он должен выставить. Одновременно, на основании материалов предшествующих смотров служилых людей, и в первую очередь Серпуховского смотра 1556 г., на котором во исполне-

⁴⁴ ПСРЛ, т. XIII. 1-я половина, стр. 267—269. (Разрядка наша, — Н. Н.)

ние царского «приговора» были введены новые оклады, Боярская книга выясняет степень боеспособности (вооружения) самого служилого человека и количество реально выставляемых им «по уложению» людей (со строгим учетом их вооружения) — сколько он их «недодал» или сколько «передал». И на основании совокупности всех этих данных Боярская книга устанавливает его «новый» денежный оклад, состоящий из денежного жалованья (ему на голову) в размере, установленном для статьи, в которую он записан, плюс деньги на людей, выставленных с земли, — по два рубля на человека в полном вооружении и на коне с вычетом штрафных денег (если он их не додал или не вооружил) или надбавкой (если он выставил больше положенного ему числа). Во всех случаях, когда те или иные данные из перечисленных выше для составителя Боярской книги были не вполне ясны (или вообще отсутствовали), то это специально оговаривалось,⁴⁵ а в особых, сомнительных случаях общая сумма выплачиваемых ему реально денег вообще не устанавливалась.⁴⁶

Но, как известно, далеко не все служилые люди («по отечеству и дородству») пользовались правами на получение кормлений, а следовательно, имели основания быть записанными в Боярскую книгу в числе лиц, получающих не обычное денежное жалованье, а особое денежное «кормовое» жалованье «по новому окладу», вместо тех или иных кормленых доходов, распределяемых между ними до уложения 1555/56 г. о кормлениях и службе. Еще В. О. Ключевский отмечал, что права на «кормы и доводы», т. е. на доходные административные и судебные должности, в древней Руси XIII—XV вв. имели лишь «вольные слуги» — бояре и дети боярские.⁴⁷ По договорным грамотам князей тот княжеской слуга и признавался вольным, «кто в кормленьи бывал и в доводе».⁴⁸ Напротив, слуги дворовые (лично зависимые от князя) не назначались на кормления, а вознаграждались земельными дачами под условием службы (не ратной) или правом приобретать земли под тем же условием. С половины же XV в., в связи с объединением Северо-Восточной Руси вокруг Москвы и складыванием основ Русского

⁴⁵ Например, «вотчина не ссыкана» (Бояр. кн., лл. 88, 103, 110, 112, 113, 155); «а на люди дати, сыскав вотчины и поместья» (л. 149); «смотря не сыскан» (лл. 170, 173); «Польский смотря сыскати» (л. 164); «Польская дача людей не писана, потому что был в те поры на жалованьи» (л. 151) и т. д. и т. п.

⁴⁶ Бояр. кн., лл. 73, 104; не определены деньги на даточных людей — лл. 58, 149.

⁴⁷ В. О. Ключевский. Курс русской истории. Сочинения, т. 2, М., 1957, стр. 219.

⁴⁸ ДДГ, № 2, стр. 12.

централизованного государства, происходят серьезные изменения в строе служилого класса. «Во-первых, — указывает В. О. Ключевский, — служба слуг вольных, оставаясь военной, перестает быть вольной, становится обязательной... Вместе с тем слугам военным, переставшим быть вольными, московский государь за их службу дает земли на особенном праве, отличном от вотчинного. В первое время такие земли не назывались еще поместьями, но владение ими отличалось уже условным характером». «Наконец, в-третьих, дворцовая служба, в удельные века столь резко отличавшаяся от вольной, военной, с половины XV в. стала смешиваться с последней, соединяться со службой ратной».⁴⁹

Так, со свойственной ему яркостью характеризует В. О. Ключевский процесс образования нового слоя господствующего класса — служилых людей помещиков. Но было бы ошибочно думать, что потомки бывших «слуг вольных», число которых особенно возросло при московском дворе в конце XV—начале XVI в., в связи с присоединением к Москве последних крупнейших удельных княжеств (Тверского и Рязанского), а также новгородских и псковских земель, сразу же растворились в чрезвычайно многочисленной и пестрой по своему составу среде московских и местных служилых людей, низшие слои которых еще совсем недавно были их же «слугами поддворскими» или «послужильцами». Естественно поэтому, что на первых порах образуется весьма сложная и запутанная (для постороннего взгляда) система внутрисловных привилегий и прав, находящая свое выражение не только в системе местничества. Достаточно явственно выступает она и в самой военно-служилой организации господствующего класса того времени. И если поместье как новая форма материального обеспечения служилых людей распространяется как на высшие, так и на низшие слои господствующего класса, то это отнюдь еще не означало, что и бывшие привилегии знати, в частности, ее право на «кормы и доводы», тоже становятся общесловными. Напротив, бывшие «слуги вольные» по мере превращения их в служилых людей великих московских князей, как правило, не смешиваются с основной массой рядовых служилых людей, а образуют ее верхний слой, огражденный особыми привилегиями и правами и находящийся в непосредственной зависимости от великокняжеской власти, входящий в состав княжеского двора.

Вхождение в состав двора великого князя для того времени не означало, что входящие в него лица обязательно несли осо-

⁴⁹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, стр. 219, 220.

бые дворцовые обязанности (хотя для значительной части личного состава великокняжеского двора это и имело место); оно означало, что включенные в состав двора бояре и дети боярские представляли собой ближайшее, наиболее привилегированное окружение великого князя, по понятиям периода феодальной раздробленности, лиц, находящихся от него в прямой вассальной зависимости (в какой именно и были в прошлом «вольные слуги»). Поэтому попадали в состав великокняжеского двора далеко не все бывшие «слуги вольные», а избранные «отечеством и дородством» и личной службой.⁵⁰

Указанное деление служилых людей на дворовых, т. е. входящих в состав государева двора и несущих службу по особому дворовому списку, и городских, в состав которых входили все остальные, преимущественно неродовитые, дети боярские, записанные за городом и несущие по нему службу, и нашло свое закрепление в составленной в начале 50-х годов особой Дворовой тетради, представляющей собой, по существу, список государева двора (правда, неполный).⁵¹ «Составление Дворовой

⁵⁰ Попадали в состав двора иногда и люди неименитые, но верные службой. Правда, более или менее в массовом порядке подробное расширение (и вызванная им переборка) состава государева двора имеет место лишь начиная с опричнины Ивана IV. Для середины XVI в. такие случаи сравнительно немногочисленны.

⁵¹ Это деление отнюдь не было только формальным, административным. Городовые дети боярские в своем большинстве представляли низшие слои господствующего класса, преимущественно бывших слуг подворских, боярских послужильцев или потомков захудалых княжеских и боярских родов, в то время как в Дворовую тетрадь были записаны наиболее видные «по отчеству и дородству» представители господствующего класса, его верхушка. Последнее ясно видно из самой Дворовой тетради. Так, примерно, из 3000 лиц, включенных в нее, мы насчитали не менее 600 представителей титулованной знати (мы говорим «не менее», так как в Дворовой тетради имеется ряд случаев, когда не вполне ясно, куда следует отнести то или иное лицо, например лиц, у которых не проставлен титул, хотя их ближайшие родственники — отцы, братья, дяди — числятся князьями). Среди указанных 600 лиц мы находим представителей почти всех наиболее видных княжеских родов. В том числе: более 160 представителей различных ветвей князей Ярославских, 119 князей Черниговских (в том числе 68 князей Оболенских, 20 князей Мезецких, 18 князей Борятинских, 13 князей Звенигородских), 55 князей Ростовских, 36 князей Стародубских, 29 князей Мещерских, 25 князей Белозерских, 18 князей Вяземских, 17 князей Галицких, 16 князей Мосальских, 14 князей Суздальских, 14 князей Волконских и т. д. Эти цифры, возможно, могут быть несколько уточнены, особенно если учесть, что нам не всегда удавалось определить генеалогическое родство представителей мелких княжеских родов, но для общей оценки состава лиц, включенных в Дворовую тетрадь, это принципиального значения не имеет. Таким образом, мы твердо можем считать, что не менее одной пятой (600 из 3000) дворовых детей боярских составляли представители титулованной знати, и это не считая представителей крупных боярских родов, число которых, есте-

тетради, — указывает А. А. Зимин, — оформляло выделение привилегированной части служилых людей в особую группу, служивших по дворовому списку (в отличие от городского дворянства). Дворовые дети боярские составляли основной контингент представителей господствующего класса, который назначался на высшие военные и административные должности.⁵²

Этот вывод А. А. Зимина в полной мере подтверждается источниками. Действительно, именно из состава государева двора комплектовался в XV—середине XVI в. высший военный и гражданский аппарат. Именно дворовые дети боярские назначались воеводами, наместниками, волостелями, служили в приказах, занимали многочисленные дворцовые должности, а наиболее родовитые из них сидели в Боярской думе.⁵³

ственно, было намного выше. Чтобы наглядно представить себе «родовитость» состава Дворовой тетради 50-х годов, достаточно сравнить ее хотя бы с десятнями XVI в. Так, в Каширской десятне 1556 г. из 403 записанных в нее детей боярских лишь 13 князей, причем все числятся среди дворовых детей боярских, в том числе два в выборе (Каширская десятня 1556 г., №№ 2—5, 12, 16, 20—23, 40, 47, 48). В Коломенской десятне 1577 г. из 301 лица, в ней записанных лишь 5 князей, причем все также числятся среди дворовых, из них один в выборе, а два в дворовых «новиках» (Коломенская десятня 1577 г.: В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства, т. I, №№ 205, 206, 292, 297, 300). В десятне Московского уезда 1577/78 г. из 260 записанных в ней детей боярских лишь два князя. Правда, деления на дворовых и городских детей боярских десятня не дает, но характерно, что оба князя числятся в ней среди первой самой немногочисленной избранной группы лиц, «которые наперед того имали государево жалование ис четверти, а иные з города» (см. десятню Московского уезда 7036 г., №№ 1—35; Е. Д. Сташевский, ук. соч.). В десятне же Московского уезда 1587/86 г. из 273 записанных в ней лиц титулованной знати вообще не числится. Деления на дворовых и городских детей боярских в ней, как и в предшествующей десятне, нет (Е. Д. Сташевский, ук. соч.). Не записано ни одного князя и в Переяславской десятне 1584 г., хотя в ней числится 103 сына боярских, из них, правда, один дворовый (Переяславская десятня 1584 г.: В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства, т. II, стр. 1—28). Примерно такие же данные мы найдем

⁵² А. А. Зимин. К истории военных реформ 50-х годов XVI в., стр. 353. — На то, что «весь командный состав армии комплектовался исключительно из чинов государева двора», указывал и С. Б. Веселовский (Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном, стр. 62).

⁵³ Наглядной иллюстрацией этого могут служить специальные исследования С. Б. Веселовского и особенно А. А. Зимина, посвященные изучению личного состава органов центрального управления Русского государства XVI в. Мы имеем в виду, в частности, исследования С. Б. Веселовского «Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном», а также работы А. А. Зимина «О сложении приказной системы на Руси» (Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 31, М., 1954, стр. 164—176), «К истории военных реформ 50-х годов XVI в.» (стр. 344—359), «Состав Боярской думы XV—XVI века»

Иначе говоря, дворовые дети боярские представляли как раз ту привилегированную группу господствующего класса, из числа которой комплектовали все основные административные должности (обеспечиваемые кормлениями) и для которой система кормлений, как дополнение к поместьям, была важным источником их материального благосостояния. И не случайно поэтому, что, проводя на практике уложение 1555/56 г. о кормлениях и службе, правительство Ивана IV в первую очередь должно было урегулировать вопрос о новых формах материального обеспечения лиц, непосредственно пользующихся доходами с кормлений, т. е. дворовых детей боярских. Что же касается городских детей боярских, как правило, не связанных с двором, то вряд ли они реально могли назначаться из Москвы на кормления по иным (в отношении своих уездов) городам и волостям. Это было не только им не под силу, так как они обычно принадлежали к сравнительно небогатым семьям местных землевладельцев, но и чрезвычайно неудобно для самого же московского правительства — иметь в качестве свои агентов на местах лиц, ему неизвестных и не связанных с двором.⁵⁴ Не случайно поэтому, что многочисленные данные о наместниках и во-

(Археографический ежегодник, т. 1, М., 1958, стр. 41—86) и особенно его очерк «О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв.» (Исторические записки, 1958, т. 62, стр. 180—205). Весьма интересный анализ состава Боярской думы 30—50-х годов XVI в. дает И. И. Смирнов (Очерки, стр. 180—193). Важным наблюдением И. И. Смирнова является вывод о постепенном вытеснении из состава Боярской думы титулованной знати и усилении влияния в ней представителей нетитулованного боярства, более близко связанного с широкими слоями дворянства. Особенно заметными эти изменения становятся начиная с 50-х годов XVI в.

⁵⁴ Из городских детей боярских такие назначения делались в 40—50-х годах, видимо, только в порядке исключения и то обычно лишь после того, как то или иное лицо было непосредственно привлечено на московскую (столичную) службу, как, например, имело место с новгородскими и псковскими городовыми детьми боярскими, испомещенными по октябрьскому указу 1550 г. под Москвой для посылок. Вероятно, делались исключения и для выборных городских детей боярских, хотя, как мы видели по Каширской десятне 1556 г., даже «выбор» комплектовался первоначально преимущественно из дворовых детей боярских. Положение же А. А. Зимины, что дворяне «по выбору» «рекрутировались» «в основном из неименитых городских служилых людей», не подтверждается источниками (А. А. Зимин. Предисловие к изданию Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в., стр. 6. Разрядка наша, — Н. Н.). Напротив, по Каширской десятне 1556 г. в состав «выбора» из 16 человек каширян вошли все наиболее именитые местные дворовые дети боярские (15 человек), в том числе два князя Мецкерских (из 11 князей, упоминаемых в десятне, и всех дворовых) и только один городской — Иван Иванович Алексеев-Уваров. Но фамилия Уваровых отнюдь не типична для «неименитых городских служилых людей», во всяком случае один из представителей рода Уваровых — Митька Васильев сын Уваров

лостелях, которые сохранили нам источники (разряды, актовый материал, летописи и т. д.), показывают, что кормленщиками, как правило, были люди родовитые. Уже одно то, что, например, назначения на наместничество записывались в разряды, а данные о «держании кормлений» являлись важными доказательствами в местнических делах (в которых разбирались лишь взаимные претензии родовитой знати), говорит о том, что правом на «кормы и доводы» и в XVI в. продолжали пользоваться лишь привилегированные слои господствующего класса.

В свете всего вышесказанного и надо рассматривать тот факт, что подавляющее большинство лиц, записанных в Боярскую книгу 1556 г., принадлежит к тем видным боярским и дворянским фамилиям, которые фигурируют в древнем государевом родословце, лежащем в основе так называемой «Бархатной книги». Что же касается того, что в дошедшей до нас части Боярской книги 1556 г. из 180 записанных в нее лиц только 25 князей, т. е. в процентном отношении меньше, чем в Дворовой тетради, то это объясняется тем, что первые 10 статей Боярской книги (статей с наиболее высокими денежными окладами — выше 50 руб.) до нас не дошли, а именно в них должны были быть записаны наиболее видные представители как титулованной, так и нетитулованной знати. Во всяком случае даже среди указанных 25 князей (в том числе 10 тысячников) мы находим представителей ряда крупнейших княжеских родов, а именно: пять князей Стародубских (Ромодановских, Пожарских, Козловских), четырех князей Ярославских (Ситцких, Ушатых, Засекиных, Зубатых), трех князей Волконских, двух князей Ростовских, двух князей Мосальских, двух князей Перемышльских, двух князей Барятинских, князей — Микулинского, Вяземского, Мещерского, Звенигородского и, наконец, князя

был записан в качестве дворового псковского помещика II статьи в Тысячную книгу (л. 163 об.), и именно его мы видим записанным в Боярскую книгу 1556 г. (л. 23). Что же касается рода Алексеевых, то пятерых из него мы находим как в Дворовой тетради, так и в Тысячной книге среди дворовых детей боярских по Суздалию и Угличу (Тыс. кн., л. 133; Двор. тетр., лл. 115 об., 116 об.). Еще более наглядный пример дает Коломенская десятина 1577 г., и это несмотря на то, что она относится ко времени после опричнины. В ней 4 сына боярских, служащих «по выбору», в том числе один князь — Михаил Васильевич Ноздроватой — из 3 князей дворовых и 2 князей «новиков», числящихся в десятне, включающей в свой состав в целом 301 сына боярского. Примерно такую же картину, наглядно иллюстрирующую вышеприведенное свидетельство Маржерета о том, что «выбор» комплектовался именно из «лучших» «по отечеству» служивых людей (*gentils-hommes*) каждого города, рисуют и другие десятины 70—80-х годов XVI в. К сожалению, отмеченная выше ошибочная точка зрения на комплектование выбора в основном из неизменных городских служивых людей довольно широко распространена в советской историографии.

Бабичева.⁵⁵ Из числа же нетитулованной знати в Боярской книге числятся представители таких родов, как Вельяминовы-Сабуровы (сразу шесть человек), Плещеевы (четверо), Колычевы, Волинские, Квашнины, Нагие, Кобылины, Яковлевы, Белеутовы, Ногайские, Сорокоумовы-Глебовы, Хвостовы, Отяевы, Ципляевы и др. Все указанные фамилии фигурируют и в Дворовой тетради.

Таким образом, мы видим, что сам факт, что Боярская книга 1556 г. в основном состояла из дворовых детей боярских, не только не является случайностью, но непосредственно обусловлен тем, что в нее были включены только те дети боярские, которые имели право на кормления, а следовательно, и на выплату непосредственно из Москвы вместо кормлений, которых они лишались, денежного жалованья, а именно такой слой господствующего класса и представляли дворовые дети боярские.

Но тогда, естественно, возникает вопрос: в Дворовой тетради, представляющей список великокняжеского двора 50-х годов, значится около 3000 дворовых детей боярских, а в действительности, видимо, их было больше, так как данные по Новгороду и Пскову в дошедших до нас списках отсутствуют, в Боярской же книге 1556 г., по нашим подсчетам, должно было быть записано около 300, максимум 400 человек? Ответ на этот вопрос в известной мере дает сам характер сведений о том или ином лице, записанном в Боярскую книгу 1556 г., из которого можно заключить, что в нее, видимо, были внесены лишь те дети боярские, имеющие право на кормления и записанные в Разряде в особые «кормленные списки», чья очередь на получение кормлений подошла как раз в 1555/56 г. Ведь не случайно составитель Боярской книги 1556 г., как мы уже отмечали, в первую очередь выяснял по соответствующим официальным документам факт пребывания в последние несколько лет (как правило, с 1550 по 1555 г. включительно) того или иного лица на кормлении: «дано было» такое-то кормление; «держал год», «наехал, был» там-то; «съехал» с наместничества, волостельства; кормление «отдано в откуп»; «имал» или «брал» кормы с откупов — бражного, ключа, мыта, меха, писчего, поворотного, правды, того или иного «пути», пятна и т. д. и т. п.⁵⁶ Встречаем и прямые указания, что то или иное лицо стояло в очереди на кормление, например «наехати было ему на Остров на великое мясное загавейно 64, и с Семена дни 64 Остров в откупу» (л. 20) или «дана была ему Соль Большая, а он не наезживал»

⁵⁵ По статьям Боярской книги 1556 г. князья распределяются следующим образом: ст. 15 — 2 князя, ст. 16 — 2, ст. 17 — 2, ст. 18 — 10, ст. 19 — 1, ст. 20 — 6, ст. 22 — 1, ст. 23 — 2.

⁵⁶ См. предметный указатель к Боярской книге 1556 г. (стр. 87, 88).

(л. 27). Наконец, Боярская книга прямо называет и те официальные разрядные документы, которые вели регистрацию кормленщиков и на основании которых она и была составлена. Мы имеем в виду специальную запись, сделанную о Чюдине Лобанове сыне Перепелицына, что «по списку к кормленому верстанью дан был ему Кодогорской стан, и Кодогорской стан дан в откуп, а он не наезживал». ⁵⁷ Что именно этими «списками к кормленому верстанью» руководствовало правительство Ивана IV при назначении служилым людям (имеющим право на кормление) денежного оклада, подтверждается и другой не менее любопытной записью в Боярской книге — записью по поводу Ивана Назарьева сына Хлопова о том, что «по окладу бояр Ивана Васильевича Шереметева с товарищи, по памяти с приписью дьяка Богдана Логинова, велено дати Ивану за кормленье по 15 рублей на год» (л. 56). Поскольку же сам И. Н. Хлопов как раз и записан в Боярской книге 1556 г. в ст. 19, оклад которой установлен в размере 15 руб., то данный пример не оставляет сомнений в том, как и чем руководствовались составители Боярской книги при отборе лиц для включения в нее и распределении их по статьям в зависимости от полагающегося им денежного жалованья взамен кормлений.

Наконец, возвращаясь к вопросу о том, какую часть дворовых детей боярских включила Боярская книга 1556 г., следует иметь в виду, что из того факта, что нам пока известна лишь одна подобного рода Боярская книга, еще нельзя делать вывода, что во исполнение уложения о кормлениях и службе 1555/56 г. была составлена только Боярская книга, дошедшая до нас. Всего вероятнее, что подобного рода книг, заменивших после уложения 1555/56 г. «списки к кормленому верстанью», было несколько.

Итак, все вышесказанное дает основание сделать вывод, что дошедшая до нас Боярская книга 1556 г. представляет собой постатейный список служилых людей, преимущественно дворовых детей боярских («лучших по отечеству и службе»), имеющих право на получение «денежного жалования» взамен кормлений непосредственно из Москвы. ⁵⁸ Ведь не случайно Боярская

⁵⁷ Бояр. кн., л. 76. (Разрядка наша, — Н. Н.).

⁵⁸ Что же касается иных категорий детей боярских, и в первую очередь детей боярских городовых, которые раньше, как правило, не пользовались правом на кормления, то по уложению 1555/56 г. они тоже были пожалованы правом на постоянное денежное жалованье, но выдаваемое уже не в Москве, а на месте с городом. По существу, об этом и говорит летописное известие об уложении 1555/56 г., отчетливо отделяющее «бояр и вельмож» (т. е. тех же дворовых детей боярских) от детей боярских городовых. Иными словами, летопись ясно показывает, что по уложению новым

книга 1556 г., в отличие от десятен, объединяет в одной раздаточной денежной ведомости представителей более 33 городов и уездов Русского государства. В этом отношении Боярскую книгу с полным основанием можно считать особым списком детей боярских, отобранных из десятен и имеющих право на получение денежного жалованья не с городом, а непосредственно в Москве у великокняжеских дьяков. Если это так, то тогда возникает вопрос — не один ли это из не дошедших до нас списков будущих «четвертчиков», т. е. детей боярских, имеющих право на получение денежного жалованья не с городом, а в Москве из Четей?!⁵⁹

«денежным жалованием» — «кормлением» были устроены все служилые люди («воины»), но устроены различно: в одной форме «бояре и вельможи» и в другой «городовые» дети боярские. Это было шагом вперед, поскольку денежное жалованье становится теперь достоянием всех служилых людей, но шагом явно половинчатым, так как основным критерием в определении его размеров оставался старый принцип — что кто «достойн по отечеству и по родоству».

⁵⁹ Подтверждение этому дает и сличение личного состава Боярской книги 1556 г. со списками четвертчиков, содержащимися в денежных десятнях XVI в. К сожалению, наиболее ранние дошедшие до нас денежные десятни, а следовательно и наиболее ранние списки четвертчиков, относятся лишь к концу 70-х годов, т. е. не только отделены от Боярской книги 20-летним промежутком времени, но и относятся к периоду, когда институт четвертчиков (и в первую очередь сам состав четвертчиков) под воздействием опричнины претерпел весьма существенные изменения. Первой денежной десятней, дающей сведения о четвертчиках, является Коломенская десятня 1577 г. В конце десятни, вслед за перечислением четырех коломничей, служащих «из выбору», значатся: «Коломничи ж, — сказали про них окладчики, — емлют из четверти годово». Таких, под рубрикой «дворо[вые по]...[че]ти», записано 9 человек, в том числе двое князей (князя М. С. и Г. В. Щетинины). И вот показательно, что у 4 из этих 9 четвертчиков (т. е., по существу, у половины) родственники записаны именно в Боярской книге 1556 г. Так, в Коломенской десятне в четвертчиках числятся Илья Степанович Нашекин, в Боярской же книге — Нашекины Семен Истомир и Семен Федорович; в десятне — четвертики Иван Иванович и Темир Григорьевич Колтовские, в Боярской книге — Колтовские Иван Федорович, Григорий Шеметов (оба, возможно, отцы четвертчиков) и Василий Иванович; в десятне — четвертик Петр Федорович Кобяков, в Боярской книге — Кобяковы Петр и Иван Григорьевичи и Кобяков Тимофей Подьюсов (В. Н. Ст о р о ж е в. Материалы для истории русского дворянства, т. 1, стр. 42, №№ 293, 295, 298—299; Бояр. кн., лл. 22, 130, 14, 149, 9, 5, 107, 104). Что касается Московской десятни 1578 г., то данные ее менее показательны, так как в ней наиболее родовитые дети боярские, «которые наперед того имали государево жалованье ис четверти, а иные з города», записаны в одном списке. В этом списке (в котором значится 35 человек из 260, всего числящихся в десятне) мы находим двух лиц, записанных и в Боярской книге. Мы имеем в виду Отая Ивановича Шастинского, записанного вместе со своим братом Борисом Ивановичем и в Боярскую книгу 1556 г., и Тучку Ивановича Радцова, числящегося и в десятне, и в Боярской книге (Е. Д. Сташевский, ук. соч., стр. 8, 9; Бояр. кн., лл. 30, 67, 110).

И действительно, если, как убедительно доказал еще С. Ф. Платонов, само возникновение Четей как определенных учреждений с двумя функциями: с одной стороны, собирающих кормлений окуп с местного населения и им ведающих (в финансовом и судебном отношениях); с другой, распределяющих этот кормлений окуп в виде денежного жалования среди определенной категории служилых людей, имеющих на него право (четвертчиков), непосредственно связано с царским уложением 1555/56 г. о кормлениях и о службе,⁶⁰ то вполне естественно, что этот же «приговор» должен был породить не только само учреждение, призванное осуществлять указанные функции, но и сам предмет его ведения, иначе говоря — определенную категорию детей боярских (бывших кормленщиков), денежное жалование которым они должны были выплачивать, собирая кормлений окуп с переведенных на земское самоуправление территорий. В равной степени совершенно ясно и то, что сперва

Наконец, если говорить об известной преемственности четвертчиков конца XVI в. от служилых фамилий, представители которых фигурируют в Боярской книге 1556 г., весьма показательно и то, что даже по Каширской десяте 1599 г. из 50 четвертчиков, в ней значащихся (34 из дворовых детей боярских и 14 из городовых), 15 человек — 13 дворовых и 2 городовых — были родственниками (потомками) лиц, числящихся в Боярской книге 1556 г. (В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства, т. I, стр. 147—150, №№ 1, 4, 5, 12, 13, 17, 19, 21, 35, 44). Вообще, следует отметить, что даже в XVII в. четвертники состояли преимущественно из наиболее родовитой знати. «Получение жалования из Чети, — указывает такой большой знаток документальных материалов о четвертиках конца XVI—начала XVII в., как Л. М. Сухотин, — было привилегией высших разрядов служилых людей, чинов думных, стольников, стряпчих, дворян московских, дьяков. Из массы дворян провинциальных и детей боярских (а также из числа дворян, живших на Москве, «в житье», или жильцов) в четь пускались лишь избранные, по отчеству и по родству или в награду» (Л. М. Сухотин, ук. соч., стр. XII, XIII. Разрядка наша, — Н. Н.). Последний вывод Л. М. Сухотина полностью подтверждают публикуемые им материалы (кормленные книги Галицкой и Владимирской четвертей и Разрядные столбцы) о четвертиках начала XVII в. Наглядно показывают материалы, опубликованные Л. М. Сухотиным, не только, так сказать, генеалогическую преемственность четвертчиков, но даже известную зависимость четвертных сыновних окладов от окладов отцовских (там же, стр. 5, 19, 20, 36, 68, 71, 127, 190, 191, 319, 321 и др.).

⁶⁰ Так, отвечая на вопросы, что такое четвертные деньги и кто имел на них право, С. Ф. Платонов прямо указывает, что «возможен... лишь один ответ на эти вопросы: идущие в Чети оброчные деньги „за наместнич доход“ и проч. есть не что иное, как „кормлений окуп“, „оброк“, установленный уложением 7064 (1555—1556) года в виде выкупа за уничтоженные кормленья; право на этот „оброк“ получили те, кто раньше имел право на кормленья» (С. Ф. Платонов. Как возникли Чети? (К вопросу о происхождении московских приказов-четвертей). Сочинения проф. С. Ф. Платонова, т. I, Статьи по русской истории (1883—1912), изд. 2, СПб., 1912, стр. 139).

должна была быть проведена сама отмена кормлений и общая перестройка в связи с этим системы денежного обеспечения служилых людей, а уже затем могли оформиться и сами Чети как определенные учреждения или первоначальное учреждение.⁶¹

Не случайно поэтому, что первые пока известные нам упоминания о Четях относятся лишь к 60-м годам XVI в. В то же время, как показывает исследование П. А. Садикова, те функции, которыми ведали в дальнейшем Чети, в частности сбор кормленного окупа с местностей, где были отменены кормления, еще в середине 50-х годов осуществлялись особыми дьяками, происхождение которых П. А. Садиков ведет «от кормленных дьяков» ст. 47 Судебника 1556 г. и функции которых в известной мере отождествляет с функциями будущих четвертных дьяков.⁶² Правда, П. А. Садиков, как и почти все предшествующие исследователи вопроса о происхождении Четей,⁶³ сосредоточивает свое внимание на изучении деятельности этих дьяков в области финансового управления по сбору кормленного окупа и иных четвертных доходов и ничего не говорит о другой (для всякого четвертного дьяка, казалось бы, совершенно обязательной) стороне их деятельности — выдаче определенной категории служилых людей, к ним приписанных, четвертного денежного жалованья. Применительно к «кормленным дьякам» Судебника 1550 г., действующим еще когда кормления не были отменены, вопрос о распределении между служилыми людьми доходов с кормления особенно, казалось бы, должен был интересовать П. А. Садикова. Но, как

⁶¹ Ср.: С. Ф. Платонов. Как возникли Чети? стр. 141.

⁶² П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 219 и сл.

⁶³ Надо сказать, что вопрос о происхождении Четей относится к числу тех темных вопросов в истории Русского государства XVI в., которые уже давно привлекали к себе внимание наиболее видных представителей дворянской и буржуазной историографии, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, А. Д. Градовский, Н. П. Загоскин, К. А. Неволин, В. О. Ключевский, Н. П. Лихачев, В. И. Сергиевич, А. С. Лаппо-Данилевский, П. Н. Милоков, С. М. Середонин, С. Ф. Платонов, М. А. Дьяконов и др., выходящих в решении вопроса о происхождении Четей один из возможных ключей к пониманию общего процесса образования приказной системы управления Русского централизованного государства вообще и организации управления в опричнине в особенности. Именно эти последние мотивы и побудили заняться историей Четей П. А. Садикова. Подробный (и очень интересный) критический обзор дореволюционной историографии о Четях дает Е. Д. Шашевский в своей работе «К вопросу о том, когда и почему возникли Чети?» (Киевские университетские известия, 1908, № 12, стр. 1—40). В советской историографии, кроме указанного выше капитального труда П. А. Садикова, специальных исследований о происхождении Четей нет, хотя этот вопрос отнюдь нельзя считать еще не только решенным, но и достаточно разработанным.

ни странно, никаких материалов об этом для 50—60-х годов ни у П. А. Садикова, ни у других исследователей истории возникновения Четей не приводится, хотя в самом факте существования уже тогда такой категории лиц, прикрепленных к Четям, вряд ли можно сомневаться, исходя хотя бы из прямых указаний об этом самого уложения 1555/56 г. и десятен. Но одно дело предполагать ее существование, другое дело попытаться найти эту вторую сторону деятельности будущих четвертных, а пока лишь «кормленных дьяков».

И вот в свете именно последнего вопроса приобретает особое значение одна небольшая, но весьма симптоматичная помета на одном из листов Боярской книги 1556 г. — помета, которая, с одной стороны, указывает на возможность составления в 1556 г. не одной, а нескольких (во всяком случае двух) подобного рода «Боярских книг», а с другой, дает возможность установить непосредственную связь составления Боярской книги (или «боярских книг») с деятельностью «кормленных дьяков». Так, на л. 150 об. рукописи в записи данных об Андрее и Иване Даниловых детях Кикина имя «Иван» вычеркнуто и над строкой (теми же чернилами и тем же почерком, которым написана сама рукопись) сделана специальная помета: «у Путилы». Значение этой пометы нельзя понять иначе, как указание на то, что И. Д. Кикин должен был быть исключен из дошедшей до нас Боярской книги, потому что он был (числился) «у Путилы», иначе говоря у дьяка Путилы Нечаева, который, как показывает актовый материал, именно в 1556 г. был «кормленным дьяком» и производил сбор кормленного окупа.⁶⁴ Но Путилы Нечаев был в рассматриваемый период не только «кормленным дьяком», но и дьяком только что образовавшегося в середине 50-х годов (и очень возможно, что тоже в непосредственной связи с уложением 1555/56 г.) Поместного приказа, товарищем (в 1555—1556 гг.) поместного дьяка Василия Степанова, имя которого неоднократно упоминается в Боярской книге 1556 г. как лица, непосредственно

⁶⁴ Другими дьяками, выполнявшими подобные же кормленые функции, были в это время Иван Михайлович Висковатый и Угрим Львов, «кормленая» деятельность которых достаточно ярко выступает в материалах 50-х годов XVI в. Подробно о деятельности Путилы Нечаева, Ивана Михайловича Висковатого и Угрима Львовича Пивова как «кормленных дьяков» см. у П. А. Садикова в «Очерках по истории опричнины» (по указателю). Перед реформой 1556 г., в начале 50-х годов, как предполагает П. А. Садиков, «кормленными дьяками» были казенные дьяки Юрий Сидоров и Истома Новгородов (стр. 225—229). Последнее, правда, лишь косвенно подтверждается источниками, приводимыми П. А. Садиковым, и в силу этого нуждается в специальной проверке. Но этот вопрос выходит за рамки настоящего очерка.

принимавшего участие в установлении новых поместных окладов.⁶⁵ Участвовал Василий Степанов, видимо, и в составлении Боярской книги 1556 г., во всяком случае именно он давал основные справки о поместном верстании лиц, в нее записанных. Иначе говоря, упоминание в Боярской книге 1556 г. имени Путилы Нечаева как лица, непосредственно связанного со сбором «окупа за наместничий доход», с одной стороны, и ведавшего материальным (земельным) обеспечением служилых людей — с другой, является весьма существенным доказательством в пользу нашего мнения о непосредственной связи составления Боярской книги 1556 г. с той общей реорганизацией центрального и местного управления, в результате которой и возникают в дальнейшем Чети. Что же касается самой Боярской книги 1556 г., то она, по всей видимости, являлась одной из тех официальных книг разрядного происхождения,⁶⁶ которые были составлены во исполнение царского уложения 1555/56 г. о кормлениях и службе и включали лиц, имею-

⁶⁵ Путила Нечаев и Василий Степанов — это первые дьяки, которые именуется в источниках XVI в. (в 1555—1556 гг.) поместными. Интересные данные об их деятельности приводит И. И. Вернер в своем большом исследовании «О времени и причинах образования Московских приказов» (Ученые записки лицея имени цесаревича Николая, вып. I, М., 1907, стр. 70—72).

⁶⁶ Дело в том, что как сами Чети, так и Поместный приказ в своей деятельности были не только самым тесным образом связаны с Разрядным приказом, но и в известной мере непосредственно ему подчинены, как центральному правительственному органу при Боярской думе, ведающему военными и гражданскими назначениями и общим материальным обеспечением служилых людей. Специально останавливаясь на вопросе о связи Разряда с Четвертями, С. Ф. Платонов прямо указывал, что «четвертные доходы, по своему происхождению и назначению, скорее всего могли сосредоточиться в Разряде. Кормленщики и их потомки, верхний слой служилого люда, и службой своею, и вознаграждением за нее в виде административных полномочий, то-есть кормлениями, подлежали ведению именно Разряда или, точнее, Боярской думы, ведавшей ими через Разряд; когда кормления заменены были сборами в Четверть, наблюдение за сборами и Четвертями всего скорее должно было сосредоточиться в тех же руках, в Разрядном, а не другом приказе» (С. Ф. Платонов. Как возникли Чети? стр. 146—147). Что именно Разряд принимал участие в назначении размера денежного жалованья служилым людям, и в том числе четвертчикам, как отмечал и С. Ф. Платонов, достаточно хорошо известно по материалам конца XVI—XVII в. Что же касается Поместного приказа, то весьма интересные данные о его прямой связи с Разрядом приводит И. И. Вернер (ук. соч., стр. 68—73). Иной точки зрения придерживается, правда, А. А. Зимин, считающий, что Поместный приказ выделился из Казны (А. А. Зимин. О сложении приказной системы на Руси, стр. 168). Вообще же вопрос о том, как образовались Чети как определенные учреждения и с какими приказами они были связаны, настолько сложен, что требует особого исследования, которое, мы надеемся, и явится продолжением настоящего, так сказать, вводного очерка в «проблему о Четьях».

щих право на получение денежного жалованья непосредственно из Москвы, иначе говоря — первых четвертчиков. И именно потому, что это была книга, включающая в себя наиболее привилегированных представителей господствующего класса, она совершенно справедливо была названа в московских приказах XVII в. «боярской книгой», точно так же как списки дворовых чинов конца XV—начала XVII в. именовались «боярскими списками». Вопрос же о том, к какому типу источников XVII в., регистрирующих четвертчиков, следует непосредственно причислить Боярскую книгу 1556 г. — к «боярским» или «кормленным» книгам, мы бы пока оставили открытым. Да, вообще, правомерен ли такой вопрос? Ведь именно тот факт, что Боярская книга 1556 г. в конечном счете не может быть причислена ни к тому, ни к другому типу источников и что в ней как бы в потенции мы находим элементы как будущих «боярских», так и «кормленных» книг, а сама она представляет собой в известной мере механическое объединение верстальных десятень и «списков на кормленное верстание», ясно показывает, что перед нами еще не установившийся тип документа, а лишь первый образец освоения московским приказным аппаратом новой и несколько необычной для него сферы деятельности. В этом-то и интерес Боярской книги 1556 г. Во всяком случае, независимо от того, сближали бы мы Боярскую книгу 1556 г. с «боярскими книгами» XVII в. как списками Разрядного приказа, фиксирующими денежные и поместные оклады высших московских чинов и распределение их (денежных окладов) по Четвертям, или «кормленными книгами», составлявшимися уже в самих Четвертях на основании «боярских книг» и представлявшими собой как бы раздаточные ведомости на выплату денежного жалованья,⁶⁷ для нас важно одно: что и

⁶⁷ «Боярские книги», как показывают их образцы, дошедшие до нас от начала XVII в., составлялись в Разряде, как правило, ежегодно на основании предшествующих «боярских книг» и новых распоряжений великого князя и Боярской думы о пожаловании тех или иных лиц чинами и окладами, дающими право на включение в «боярскую книгу». Что представляли собой «боярские книги», наглядно видно из опубликованного еще П. Ивановым отрывка из Боярской книги 1628/29 г. под заголовком «Книга бояр, и окольных чин, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диаков и из городов дворян выборных, нынешняго 137 (1628/29) года». Все лица, включенные в книгу, разбиты по чинам: бояре, окольные чины, кравчи, думные дяки, ясельничие, стольники, стряпчие, дворяне, дяки, шатерничие, подьячие (только избранные) и, наконец, выборные дворяне. Характер записей в книге имел обычно следующий вид: в отношении бояр и окольных чин сообщаются только денежные оклады — «Иван Никитич Романов, денежный ему оклад, в книге Костромской четверти, 700 рублей. Князь Иван Борисович Черкасский, денежный ему оклад, в книге Устюжские четверти, 600 рублей» и т. д. и т. п., в отно-

в том и другом случае Боярская книга 1556 г. остается документом, характеризующим становление новой категории господствующего класса: служилых людей — четвертчиков.

На этом мы позволим себе закончить наш небольшой очерк, посвященный изучению Боярской книги 1556 г. Многие наши выводы, естественно, нуждаются в проверке и уточнении, но несомненно одно, что сложившееся в советской историографии общее представление о тех социальных силах, в интересах которых и руками которых было проведено уложение о кормлениях и службе 1555/56 г. нуждается в существенных коррективах. Во всяком случае анализ такого важного источника, как Боярская книга 1556 г., источника, содержащего не единичные, а массовые данные о социальном лице кормленщиков в канун земской реформы, не дает оснований рассматривать кормленщиков 50-х годов как носителей феодальной реакции и сепаратизма в силу лишь одного того факта, что они по своему социальному происхождению, как правило, принадлежали к верхам господствующего класса, к боярству в широком смысле этого слова. Не дает возможности Боярская книга 1556 г. и говорить о существовании в рассматриваемый период резких социальных граней между боярством и верхушкой столичного дворянства. Что же касается оценки самого уложения о кормлениях и службе, то мы полагаем, что доминирующую роль в его реализации на практике играла в 50-х годах XVI в. не столько борьба правительства Ивана IV против боярства как определенной социальной группы господствующего класса, сколько общие интересы класса феодалов в целом, и в первую очередь его заинтересованность в укреплении своей власти над крепостным крестьянством и городскими низами. Но это уже иные вопросы, требующие и иного материала для их изучения.

шени. прочих чинов обычно даются сведения об окладах и денежных и поместных — «Князь Алексей княж Иванов сын Воротынской не верстан, а в нынешнем во 141 году ноября в 4 день учинен ему оклад поместной 1100 четвертей, денег 180 рублей», или «Борис да Глеб Ивановы дети Морозова, поместные им оклады в Боярской книге 136 (1627/28) году, по 1000 четвертей, денег в Галицкой четверти Борису 230 рублей, Глебу 200 рублей» (П. Иванов. Описание Государственного Разрядного архива. М., 1842, Приложения, стр. 5—12). Весьма характерны и обратные ссылки четвертных «кормленых книг» на «боярские книги» как основной официальный источник включения того или иного служилого человека в список четвертчиков той или иной четверти. В материалах о четвертичках «смутного времени» (1604—1617 гг.) таким источником является, в частности, «боярская книга» 1608/09 г., или, как ее именуют иногда источники, «боярская тетрадь 117 г.» (см.: Л. М. Сухотин, ук. соч., стр. 202—205, 209, 217, 226, 263, 277, 297, 311, 313, 315, 324).